

ГОРНЫЙ ШАЙТАН

В верховьях реки Язгулём мы остановились на ночёвку в таджикском кишлаке. Нас окружила шумная ватага ребяташек. Общение с ними заключалось в том, что они всё время просили нас что-нибудь им подарить: машину, палатку, молоток, штормовку, фотоаппарат. Мы тактично отказывали и аборигены при этом вовсе не обижались.

Палатки решили не ставить, натянули тент. Я взял свой узкий «пионерский» спальник, кошму и отправился спать на берег ручья. Ниже по течению прямо в воде стояло несколько железных кроватей, на которых спали таджики. Вот уж не думал, что местные жители так боятся жары.

Утром всё выяснилось. Оказывается, здесь водились москиты – мелкие двукрылые кровососущие насекомые, настолько хилые, что не могли противостоять слабому ветерку, всегда дующему над рекой. Но под тентом было затишье, и москиты искусили за ночь Ника. Лицо у него было сплошь покрыто красными прыщиками, которые, по словам нашего начальника Дюфура, не проходят двадцать дней.

Вернуться в Ленинград с такой физиономией и показаться на глаза любимой девушке было для Ника трагедией. Два часа он ходил чернее тучи, отказавшись даже от вкусного завтрака, потом достал свою черную тетрадку и с ожесточением стал в неё что-то записывать – по всей видимости «страдательные стихи».

Выше по течению через правый приток был переброшен висячий мост. Смотреть на него даже издали было страшно. Нам предстоял многодневный маршрут в верховья Язгулема, и этот мост будет первым на нашем пути. После завтрака я в одиночестве отправился к мосту, чтобы без посторонних глаз перейти по нему на другой берег. Действительность превзошла все мои ожидания, никогда не думал, что может быть так страшно. Настил, сделанный из переплетения веток, покрытых тонким слоем дерна, висел на высоте нескольких метров над ревущей водой. Перил, конечно, не было. Сильно прогнутый в середине мост тихо скрипел, раскачиваясь сам по себе. До противоположного берега было всего метров шесть, но казалось, что как только ступишь на это сооружение, то оно непременно перевернется или рассыплется. Внизу среди камней бесновалась и редела зеленая вода. Увлекаемые стремительным потоком, по дну с грохотом катились булыжники. Я знал, что если упасть в реку, то поток будет вертеть и крутить тебя, пока не ударит головой об камень.

Оставив на земле фотоаппарат и сумку, чтобы они в случае чего достались хорошим людям, если судьбе не угодно будет встретить меня на другом берегу, я встал на четвереньки и двинулся в путь. На первом же метре мои пальцы так вцепились в скрипучие ветки, что продвинуться вперед не удалось. Чтобы успокоилось трепещущее от страха сердце, я сел и закурил. Оба внутренних голоса наконец-то были единоголосны и дружно уговаривали меня бросить это занятие. Но я был непреклонен и решил действовать им назло.

Завтра это будет первый мост на пути в маршрут, и краснеть перед другими я не любил. При второй попытке удалось доползти почти до середины, и я страшно жалел, что в процессе эволюции люди утратили такие важные качества своих предков-обезьян, как длинные пальцы на ногах и цепкий хвост.

Перебравшись с третьей попытки на другой берег, я вдруг сообразил, что надо ползти назад. Век бы не возвращался, но стало жалко, что моим

фотоаппаратом кто-то воспользуется. Я решил изменить технику, и на обратном пути стремительно переполз мост со скоростью таракана. Гордый собой, я вернулся в лагерь, когда Дюфур нанимал проводника с двумя ишаками. Мне тут же поручили заполнять многочисленные бланки договоров. Из инструкции я с удивлением узнал, что каждый ишак получает в месяц больше, чем мы вдвоём с Ником. При этом животному полагался фураж и один выходной в неделю при восьмичасовом рабочем дне. Я рассказал об этом Нику.

– Подумаешь, нашел чему завидовать, – махнул рукой Ник, – по документам и нам полагается восьмичасовой рабочий день и один выходной в неделю.

Вечером начальство устроило совет. На двух ишаках можно было увезти снаряжение на шесть человек. А нас с проводником было восемь. Поэтому было решено оставить в лагере Ника – дробить в ступе пробы – и повараху Тасю. Меня брали за повара и за рабочего одновременно.

Утром Дюфур поднял нас затемно, когда

«Дрожит зарей кишлак
и меж арыков и полей
идет гулять ишак».

Быстро позавтракали и собрались. Пришёл рабочий с двумя ишаками. Один ишак был крупный серенький и мохнатенький, как плюшевый мишка с умными добрыми глазами; второй маленький и облезлый.

Я залез на большого ишака и немного прокатился верхом вокруг лагеря.

Стали вьючить животных. Накинули им на спину кошмы. Вьюки, связанные попарно, перебросили через спину и обвязали поверх широкой кожаной лентой.

Маленький ишак еле стоял и перебирал тонкими ножками, чтобы сохранить равновесие. Я не сомневался, что он упадет под таким грузом еще в лагере, и предложил рабочему нести часть его поклажи на себе.

– Ты что? – удивился таджик. – Вьючное животное, да?

– Ему тяжело, – пожалел я ишака, – он не дойдет.

– Ты может, и не дойдешь, а ишак дойдет! – заверил меня рабочий.

Тася вызвалась проводить нас до моста. Она работала на Памире уже третий год и очень хладнокровно относилась к высоте.

Подшли к мосту. Естественно, мне надо было перейти мост и натянуть веревочные перила. Несмотря на вчерашние тренировки, страшно было по-прежнему. Тася быстро схватила веревку и перепорхнула на другую сторону легко, как птица, избавив меня от неминуемого позора. Но вторым надо было идти мне. Ползти на глазах у женщин, на четвереньках – невыносимо стыдно. Я подумал, что зря боюсь, сотни людей и ишаков проходили по этому мосту, и он не развалился и не перевернулся. Значит, есть шанс что он продержится и сегодня. Главное, не смотреть на воду. Бодро с сигаретой в зубах я быстро перешёл мост. Не так уж всё и страшно. Ишаки уперлись и не захотели идти через мост. Я их не одобрял, но отлично понимал. С большим трудом нам удалось перетащить ишаков на другой берег. Потом надо было вернуться назад и перетащить груз. Мне пришлось еще раз перейти мост, чтобы отвязать веревки перил.

Если честно, то победа над страхом при переходе этого моста и всех других не прибавила мне уважения к ним.

Нагрузив ишаков, мы двинулись дальше. Геологи шли впереди, сзади я с ишаками, а за мной тащился проводник, который, вместо того чтобы следить за животными, постоянно задерживался.

Мы прошли несколько километров. Большой ишак, шедший впереди, вдруг бодро побежал в гору.

«Бегом, в гору, с грузом? – подивился я его прыти. – Оригинально!»

Ишак завернул за скалу и разлегся в прохладной тени прямо на тропе. Я сфотографировал ишака, лежащего с закрытыми от блаженства глазами, и впоследствии назвал эту фотоработу «Нирвана». Однако сообразительность и находчивость ишака меня совсем не обрадовали и, по горячности, я даже хлестанул животное хворостиной. Ишак открыл глаза и так обиженно на меня посмотрел, что я устыдился своего поступка и тут же пожалел животное.

Мои попытки уговорить ишака встать и идти дальше, успеха не имели, и он не обращал на мои слова никакого внимания. Я тащил его за узду, толкал, неожиданно кричал ему в ухо, но без результата. Когда я совсем отчаялся, ишак вдруг попытался встать. Я бросился ему помогать, но подняться на ноги с такими вьюками ишак физически не мог. Из-за скалы послышалась заунывная песня нашего проводника, напевавшего что-то по-таджикски. Слов я не понимал, но, судя по его настроению, догадался, что содержание примерно такое:

«Как хорошо в горах идти
и ни фи́га не делать!»

Услышав знакомую песню, ишак задергался и хотел рывком встать на ноги, но потерпел неудачу. Из-за скалы показался рабочий, увидел лежащего на боку ишака и с руганью на него набросился. Он так отстегал животное хворостиной, что я его возненавидел и даже грубо оттолкнул. Таджик не обиделся и разъяснил, что ишак с грузом подняться не сможет и надо его разгрузить. Мы развязали веревки и освободили ишака. Он предпринял смелую попытку убежать вниз по тропе, но получил от рабочего такого пинка, что передумал и остался с нами.

Мы снова его навьючили.

– Анатолий, внимательно следи за животными! – предупредил меня рабочий.

– Сам следи! – недовольно пробурчал я.

Но идти с вьючными ишаками мне было интересно, и через полчаса рабочий снова отстал. Я жалел ишаков и часто давал им отдохнуть несколько минут в тени скалы. С риском для жизни я спускался к реке и в ладонях приносил им холодную воду. Ишаки тянулись мордами к моим рукам и пили, хватая воду своими смешными мягкими губами.

В одном месте тропа пересекала крутую осыпь. Внизу кипела река, а справа нависли скалы. На такой тропе груженные ишаки могли задеть вьюками за нависающие камни и сорваться вниз. Перед осыпью нас ждал Дюфур. Мы стали переводить животных через опасное место по очереди. Я страховал сзади, держа ишака за хвост, а Дюфур спереди тащил его за узду. Конечно, если ишак сорвется с обрыва, то удержать его за хвост невозможно, но помочь сохранить равновесие, если он покачнется, вполне реально. Несмотря на нашу страховку, ишаки дрожали от страха и еле передвигали ногами. Мы с трудом перевели сначала маленького ишака. С большим ишаком было сложнее, так как и груза на нём было больше. На самом опасном месте ишак испугался, рванул вперед, зацепился вьюком за скалу и потерял равновесие. Наша растяжка не помогла, и ишак полетел вниз по склону. Осыпь поехала, и в поднявшейся пыли мелькнули

растопыренные ноги животного. Тюки развязались и, беспорядочно прыгая по осыпи, покатались к бурной реке. На наше счастье у самой воды лежал большой камень, который задержал от падения в реку груз. Ишак застрял посередине склона и лежал на спине без признаков жизни.

Мы спустились вниз. Ишак лежал с закрытыми глазами, а ноги безжизненно торчали вверх. Дюфур горестно вздохнул. Жалко было животное, и маршрут сорвался в самом начале.

Вдруг сверху послышались возмущенные вопли рабочего, который наконец-то догнал отряд, и сейчас спускался к нам.

– Угробили ишака, теперь будете платить триста рублей! – злобно крикнул рабочий.

– Ты деньги получаешь за проводку животных, а не за то, что болтаешься, не известно где, и лопаешь какие-то ягоды, – возмутился Дюфур, – за безопасность ишаков отвечаешь ты!

– Нет не я! – возмутился рабочий.

– Нет, ты, и за это получаешь деньги как проводник. Вот и в договоре так написано.

Дюфур раскрыл полевую сумку и достал экземпляр договора. Они разложили бумаги прямо на бездыханном ишаке и стали их изучать. Действительно, в договоре был пункт, что в случае гибели животного из-за недосмотра проводника университет никакой ответственности не несет.

Рабочий понял, что ничего за ишака не получит. Он вскочил и стал яростно ругаться и пинать ногами мертвое животное. Тут ишак неожиданно вскочил, как ни в чем не бывало, и стал с удивительной скоростью карабкаться по склону вверх. Достигнув тропы, он шустро побежал по ней в обратном направлении. Все оцепенели. Такой хитрости и наглости даже рабочий не ожидал.

Ишак добежал назад только до моста, который ему одному было не перейти, и он гулял неподалеку. Рабочий привел его к обрыву. Мы тем временем собрали и подняли на тропу вьюки.

Осмотр показал, что на ишаке не было ни царапины, и мгновенную смерть он разыграл очень искусно. Маленький ишак без груза пасся на лужайке, с удовольствием пощипывая зеленую травку. Снова навьючили ишаков, и проводник двинулся первый, ведя животных в поводу.

Справа в Язгулем впадал очередной приток реки. Небесно-голубые струи притока быстро размывались в желтой воде, насыщенной глинистыми частицами.

Тропа повернула направо, и через несколько часов мы достигли верховьев ручья. На широкой поляне разбили лагерь. Палатки у нас не было, и на кошку просто свалили спальные мешки.

Я сразу принялся готовить обед.

Расписание работы у меня было напряженное. Подъем в пять часов утра и приготовление завтрака. С восьми до часу дня – маршрут.

Павленко изучал аксессуарные минералы гранитов, и для этого нужно было отбирать большие пробы пород по двадцать килограммов каждая. Потом эти пробы дробились, и из них отмывался в лотках искусственный шлик, обогащенный тяжелыми аксессуарными минералами. Каждый день я отбирал две пробы и, взвалив их на плечи, возвращался в лагерь.

До нашего лагеря на правом берегу ручья оставалось полкилометра. Именно здесь утром, по дороге в маршрут, мы перепрыгнули ручей. Но к середине дня снежники и ледники в верховьях подтаяли и крохотный ручеек превратился в ревущий поток. Отвесная скала, подступавшая к самой воде, преградила мне путь. Надо было или переходить здесь вброд, или возвращаться вверх по течению, где ручей тек в узком каньоне, через который можно было свободно перепрыгнуть. Тащить назад в гору тяжелые пробы не хотелось.

«Ты что, дурак возвращаться? Перейдем здесь», – убедил меня первый внутренний голос.

Я решил перейти ручей вброд прямо у скалы. Воды было всего по колено, но уклон крутой и скорость потока большая. По дну катились большие камни. Я перебросил сандалии на другой берег, и тут же вспомнил, что реку надо переходить только в обуви. От холода заныли ноги. Из-под ступней потоком вымывало песок и гальку. Катящиеся по дну булыжники ударяли по ногам, и кровь светлыми струйками окрасила воду. Тяжелые пробы в рюкзаке прижимали меня ко дну и помогали удержать равновесие. Если бы не груз на спине, то я давно плыл бы вниз. Вода буруном поднималась мне до груди и намочила сигареты в кармане рубашки. Я понял, что не дойду, струсил и хотел повернуть назад, но развернуться было уже невозможно. Как только я поднимал ногу для шага, мощная струя воды сразу относила её в сторону. В результате я оказался посередине ручья в нелепой позе с широко расставленными ногами. Надо было идти только вперед. До другого берега оставалось всего три шага, но сделать их было невозможно. Если сбросить рюкзак, то меня облегченного тут же унесет потоком и на порогах за поворотом разобьет о камни. Ноги настолько занемели от холода и ударов камней, что я ощущал их как ходули. С великим трудом удалось сделать еще шаг и, прыгнув вперед, я мертвой хваткой вцепился в камень на берегу. Река ещё дергала меня за бесчувственные ноги, но я уже подтянулся на руках, и выполз на берег. Освободившись от тяжелого рюкзака, я тут же сделал крутой выговор моему внутреннему голосу за идиотский совет.

В сырой пачке нашлась одна сухая сигарета. Спички тоже намокли, но мне удалось добыть огонь при помощи увеличительного стекла. Затягиваясь горьким дымом, я смотрел на небо, на кучевые облака и радовался жизни.

Добравшись до лагеря, я сбросил с плеч тяжелый рюкзак. Руки под лямками затекли так, что несколько минут не сжимались пальцы. Разводить костер и кипятить чай не хотелось. Легкая закуска состояла из лепешки и кружки холодной водой из ручья. Вскоре я уже лежал в спальном мешке. Морфей пожурил меня за то, что я уделяю ему слишком мало времени, и стал показывать первые кадры какой-то белиберды.

В три часа задребезжал будильник. В последнее время я просто восхищался собой: проснуться от звука одного будильника! Месяц назад об этом и мечтать не мог.

Надо было готовить обед. Я отправился за хворостом к подножию отвесной скалы, около которой вчера заметил очень симпатичную пищу. Неожиданно сверху посыпались камни. Внимательно осмотрел склон, но ничего подозрительного не обнаружил. А позавчера мне довелось наблюдать здесь двух красивых горных козлов-кииков, самца с роскошными саблевидными рогами и скромненькую самку. Если козлы стоят неподвижно, то их ни за что не разглядеть на фоне серых камней и только легкое движение сразу их выдает.

Направляясь к кострищу с полной охапкой хвороста, я несколько раз обернулся на скалу в надежде все-таки увидеть козлов. Взгляд мой случайно скользнул вниз к подножию скалы и вдруг... по телу побежали мурашки. Мне показалось, что из-за скалы кто-то выглянул и спрятался. Внутри стало нехорошо. Я внимательно осмотрел скалу. Справа и слева от нее были осыпи и если там кто-то прятался, то, пройдя несколько десятков метров в сторону по поляне, можно будет его увидеть. Не отрывая глаз от скалы, я отошел влево, так чтобы стала видна другая сторона камня. За скалой никого не было. Но я уже был ученый и знал, что окраска так маскирует местных животных, что можно смотреть на них хоть несколько часов и все равно не увидишь.

Как-то в маршруте Павленко подстрелил кеклика – горную куропатку. Она отделилась от стаи и упала недалеко от меня метрах в двадцати. Мертвая птица лежала кверху лапками прямо на камне. Однако, когда я подбежал, на месте падения никакого кеклика не оказалось. Пятнадцать минут поисков результата не дали. Ко мне присоединился Володя, и мы ещё полчаса безуспешно искали птицу. Даже становились на место, откуда Павленко стрелял, или на то, где находился я, но кеклик как сквозь землю провалился.

В месте падения птицы мы выложили камнями квадрат и заходили его буквально через метр, но ничего не нашли. Решив бросить это дело, закурили напоследок прямо в центре тщательно обысканного квадрата. Брошенный мной окурок упал рядом с кекликом, который лежал открыто на камне в двух шагах от нас. У меня было такое ощущение, что его сначала спрятали и только сейчас подложили. Но мы сразу провели чистый эксперимент: Павленко, не оглядываясь, вернулся на то место, откуда стрелял, а я в это время немного отошел в сторону и Володя снова попытался найти птицу. Но не тут-то было. Со стороны было просто смешно наблюдать за Павленко, когда тот смотрел прямо на кеклика и не видел его, будто тот был совершенно прозрачный. Так он его сам и не нашел.

Я вернулся к кострищу, но все время хотелось обернуться на ту скалу, и шея быстро устала от постоянного поворота головы. Сходил за водой, развел костер и повесил над огнем котелки. Пока не закипела вода, надо было сделать запас хвороста, чтобы и на вечер хватило, и на утро. Полчаса я усердно носил хворост и, проходя мимо скалы, тщательно её осматривал. Возвращаясь с последней охапкой хвороста, я вдруг затылком почувствовал чей-то взгляд. Мгновенно обернулся и на какую-то долю секунды мне показалось, что за скалой стояла маленькая волосатая обезьяна и смотрела на меня, оскалив зубы с большими клыками.

Хворост выпал из моих рук, а обезьянка исчезла. Не спряталась за камень, не убежала, а именно исчезла. Я стоял потрясенный, глядел на скалу и уже не мог с полной уверенностью сказать, действительно что-то видел или померещилось. Решительно направился к скале, но потом струсил и, не приближаясь, прошел стороной. За скалой никого не было, слева и выше была крутая щебенистая осыпь и спрятаться было негде. Брошенный на осыпь камень сразу вызвал движение и осыпь поехала. Никто, даже пищуха не смогла бы пройти бесшумно по такой осыпи. Тщательно осмотрел подножие скалы, никаких следов, даже травинки были не примяты. Все говорило о том, что это игра моего воображения, но чувствам не прикажешь! Не нравился мне взгляд этого существа, хотя выражения глаз на таком расстоянии никак невозможно было рассмотреть. Но выражение все же было. Я вдруг понял, что это был сосредоточенный взгляд хищника, который смотрит на свою жертву во время охоты. Эта тварь на меня охотилась! Это уже слишком.

Вообще-то никаких других крупных хищников кроме барсов, волков и лисиц на Памире не было. Перед экспедицией я специально изучал литературу про современную местную и ископаемую фауну, но ничего подобного не встречал. Тут я вспомнил, что однажды, когда мы возвращались из маршрута в кузове грузовика, рабочие о чем-то азартно спорили. Отчаянно жестикулируя, таджики показывали друг другу руками высоту кого-то или чего-то около метра от земли. Они говорили по-таджикски, но я понял, что речь идет о каком-то животном. Мой приятель-таджик перевел, что рабочие вспоминают, как несколько лет назад видели высоко в горах Западного Памира хищную горную обезьяну – горного шайтана, укус которого ядовит.

«Только это все глупости!» – заверил меня приятель, и я почти забыл разговор.

И вот, пожалуйста! Я успокаивал себя, что это действительно байки, и если бы такие животные существовали, то они были бы описаны в литературе, а раз их там нет, то и в действительности их нет! И все в порядке! Но одно дело литература, а другое чувства! На всякий случай я прицепил на пояс большой охотничий нож.

Наш лагерь находился почти в центре обширной зеленой поляны между стремительным горным ручьем и отвесной стеной ущелья. Это было единственное ровное место, а вся поляна была покрыта какими-то кочками. Я инстинктивно озирался на скалу, но это не помешало мне приготовить отличный обед. На первое сварил щи из свежей капусты с помидорами, сладким перцем, укропом и зелеными кислыми сливами, которые добавил для эксперимента и, надо сказать, очень удачно. Мне вообще нравилось готовить, и на похвалу сам себе я никогда не скупился. На второе была чечевица. С этим продуктом я имел дело впервые и решил приготовить чечевицу со свиной тушенкой. В кулинарии, как и в боксе, – главное это уверенность в победе. Когда-то даже самый классный повар вообще ничего не умел готовить.

Попробовав чечевицу, я поздравил себя с несомненным кулинарным успехом, но как настоящий художник ощущал, что все-таки чего-то не хватает! Помидоры я уже положил, а кроме кислых слив ничего больше не было. Зато вдоль ручья росло великое множество кустов, увешенных зелеными сливами. Правда, непонятно было, съедобные они или нет, но по виду – настоящие сливы, а кислые – вырви глаз. Я растер мелко четыре штуки и добавил в чечевицу, вкус явно улучшился.

Раздражало меня отсутствие чайника, который Павленко из экономии оставил в базовом лагере. Сразу после того как освобождалась кастрюля, приходилось бежать к ручью, мыть ее и ставить кипятить воду для чая.

Наконец обед был готов, и оставалось ждать возвращения геологов. Обычно они ходили в маршрут вместе, а сегодня решили, в нарушение инструкции по технике безопасности, разойтись по одному.

Делать было нечего, и я решил натаскать столько дров, чтобы можно было в последний раз как следует посидеть у костра. Собрал огромную кучу хвороста, но уже с другого места, чтобы больше не видеть ту проклятую скалу. Никаких взглядов я больше не ощущал, но все равно было неприятно. Впереди ночь, а спали мы прямо на кошме под звездами. Непонятно, нужно говорить геологам про эту обезьяну или нет. Ещё засмеют, а геологини испугаются: женщинам все равно, скажи черта в кустах видел, и они не будут спать всю ночь. Я решил сам не спать ночью, а посидеть у костра и почитать книгу. И надо было обязательно выпросить у Володи наган на ночь. Скажу, что рано утром видел на скале козлов и хочу поохотиться!

Быстро наступили короткие южные сумерки, но никто из маршрута не явился. Ночью в горах идти невозможно, в безлунные ночи темно, так что хоть глаз коли. А уж спускаться вниз и днем не безопасно.

Полная темнота спустилась с неба, уже прошел час, а никого не было. Я успокаивал себя тем, что если успеть выйти на тропу до темноты, то вдоль ручья еще можно осторожно двигаться при свете звезд. Не могло же со всеми сразу что-нибудь случиться? В последнем маршруте!

Для ориентира геологам я развел сигнальный костер. Наконец, у ручья послышались шаги – кто-то шел к костру, спотыкаясь на высоких кочках и чертыхаясь. Это был Дюфур. В течение пятнадцати минут дружно подошли остальные. Я быстро разложил по мискам щи и побежал к ручью. Пучком травы и речным песком на ощупь вымыл котелок, зачерпнул воды

для чая, но на обратном пути сбился с тропинки и пошел по кочкам на свет костра. Балансируя, чтобы не разлить полный до краев котелок, я шагнул с очередной кочки и почувствовал, что наступил ногой на что-то живое. Раздался жуткий вопль. Внутри все оборвалось. Котелок выпал из ослабевших рук, и ледяная вода залила мне ноги. Я присел на кочку. Передо мной в свете костра с земли вдруг поднялся... наш ишак! Он, оказывается, лежал за кочкой, а я его не заметил. Наверняка специально так подстроил, но раз я сам наступил, то и виноват. Даже ругать ишака не стал.

Ну и денек! Я снова набрал воды и вернулся к костру. Геологи делились впечатлениями от маршрута, показывали образцы, разглядывали их в свете костра, спорили. Вот дурная манера делать это за обедом. Сколько раз я им говорил, что во время еды если и говорят, то лишь о пище или хвалят повара!

Все были в таком азарте, что решили завтра с утра сходить в короткий маршрут, а потом домой. Мне велено было оставаться, готовить обед и сворачивать лагерь.

Я подошел к Володе и попросил у него наган. Он подозрительно взглянул на меня, но оружие дал вместе с кобурой.

Все так устали, что быстро залезли в спальные мешки. Я решил охранять наш общий покой, сел у костерка и положил наган под раскрытую книгу.

Есть неизъяснимая прелесть в таких минутах, когда все спят, а ты один у костра под чудным звездным небом. Я отыскал знакомые созвездия и стал размышлять о бесконечности Вселенной.

Но Морфей уже через полчаса меня сморил.

«Черт с ними с этими обезьянами, – подумал я, – продержимся последнюю ночь!»

Я быстро залез в спальник, а наган сунул под голову. Заснул я быстро, как на лекции, и снилось мне что-то легкое и приятное. Вдруг сквозь сон я почувствовал на лице чье-то горячее дыхание. Еще не врубившись в ситуацию, я открыл глаза. Передо мной в слабом свете звезд блеснули крупные белые зубы. Они стремительно приблизились к моему лицу и неожиданно, раздался ужасный вопль. Но прежде чем умереть от страха, я выхватил из-под головы наган и успел четыре раза выстрелить вверх.

Оскаленная пасть отшатнулась, и тут я увидел, что это был... наш ишак! Он и до этого часто устраивал мне такие гадости: подходил к спальнику со стороны головы, наклонялся к лицу и что есть силы, втягивая в себя воздух, орал непередаваемо дурным, истерическим голосом!

От моих выстрелов поднялась паника. Павленко кричал и ругал себя за то, что дал мне наган. Все остальные дружно ругали меня и Павленко. Ишак благополучно смылся и тоже возмущенно орал где-то на дальнем конце поляны, жалуясь звездам, что его чуть не застрелили.

Утром я подошел к ишаку, который стоял у ручья с виновато опущенными ушами.

– Ты не ишак, а самая настоящая свинья, – обругал я животное, и в чисто воспитательных целях огрел его хворостиной по задку, – а я не выдал тебя, когда ты нахально выпил полкотла холодного супа. Помнишь? И вот твоя благодарность!

Ишак еще ниже опустил голову и так осуждающе на меня посмотрел, что я дал себе клятву никогда больше не бить животных.